

Прожив чуть меньше двух лет в самом Сестрорецке, мы переехали зимой (1954 - 55 г.г.) в Песочную, пригород Ленинграда в Сестрорецком же районе. От Ленинграда километров 30, от Сестрорецка - 15. На окраине Песочной, примыкавшей к лесу, располагался среди сосен так называемый "военно-морской городок" из стандартных финских одно- и двухквартирных домиков. В одном из них папе дали от Академии две комнаты в трёхкомнатной квартире. Соседями нашими были Ракибовы - толстая тётя Женья и её спортивный муж, тоже морской офицер - Ракиб Рашидович, с дочкой Аллочкой, Любкиной ровесницей, вышедшей впоследствии замуж за известного хоккеиста Викулова, и младенцем сыном, Олежкой.

Переезд, точнее, перевоз вещей происходил в буран. Машина застряла в снегу, и вещи пришлось таскать на себе по сугробам.

Если в Сестрорецке меня манил Разлив с купанием и рыбалкой, то в Песочной я полюбил лес и не менее страстно увлёкся, уже к осени, конечно, собиранием грибов. Летом мы с Вовкой и Колькой Морозами, моими двоюродными братцами, под водительством дяди Серёжи пропадали в лесу целыми днями, строили шалаши, метали копья, мастерили луки и стреляли из них в мишени, собирали голубику, которой было очень много совсем рядом с домом, чернику, ранние грибы. В лесу протекала и речка, метров в пять шириной, а где и уже. Местами её можно было перейти вброд даже нам, мальчишкам, но были и небольшие омутки, где можно было купаться и даже нырять. В речке водились пескари, которых можно было ловить на мелких местах сачком, и налимы, которых специальными сетками ловили большие мальчишки.

Осенью я с одноклассниками отправлялся в походы за грибами. Ходили довольно далеко, так как вблизи городка росли в основном козляки, лисички и маслята - преобладал молодой сосняк, а подальше в изобилии водились подберёзовики, подосиновики и в огромных количествах оранжево-охряные моховики, но непохожие на стандартные калининградские тонконогие моховики, а соответствующие, скорее, костромским обабкам или моховикам с Моховиковой горы, что на Куршской косе, только покрупнее. Грибы эти по своей благородной форме, плотности, толстоногости могли равняться с подосиновиками, но всё же котировались ниже последних.

Собирание грибов так заразило меня, что я чуть ли не каждый будний день вставал ни свет, ни заря и, если не было напарника, в одиночку обегал лес, который за лето был уже хорошо изучен, и в котором я легко ориентировался. В школу я ходил во вторую смену, уроки успевал сделать перед сном, а всё утро проводил в лесу и возвращался домой с полной кошёлкой.

Мама моим грибным успехам радовалась так же, как и рыбацким. Огорчало её только то, что есть грибы я не любил ни в каком виде, а приготовить мама умела: у них с тётей Люсей по наследству от бабушки кулинарные способности были необыкновенные, и приготовить вкусно и поесть обе любили. Кстати, и рыбу я не очень жаловал, особенно костлявую (а мама каждую косточку обсосет), да и вообще разборчив был в детстве: не ел фрукты, помидоры, наверное, сказывалась ограниченность блокадного рациона в самом раннем возрасте. Лишь став взрослым, познакомившись с водкой и пивом, я оценил прелесть солёных и маринованных грибов и вяленой рыбы.

В Песочной моим ближайшим другом стал одноклассник Валерка Милин, с которым мы потом долго переписывались и после переезда нашей семьи в Калининград. Несколько десятков его писем хранила мама. Из подробностей нашей дружбы я помню сейчас лишь то, что аккуратно заходил за Валеркой к нему домой по дороге в школу, и всегда возвращался из школы вместе с ним. Этот ритуал, видимо, вообще был характерен для мальчишек-одноклассников моей поры, считавших себя друзьями. Так было и в Таллине с Сихтом, и в Сестрорецке с Кузей, и в старших классах в Калининграде с Валеркой

Долгополовым. Оно и понятно - одному идти скучно, вдвоём веселее, а с приятелем тем более. То же самое я наблюдал потом и у моей пятнадцатилетней дочери Ирины, за которой регулярно заходила по дороге в школу её подруга Оксана.

Помню, как разгневался на меня Валерка, когда во время зимней уличной возни я сильно пихнул в грудь Таню Толмачёву, которой я сам втайне симпатизировал.

Хорошо помню нашу классную руководительницу Нину Кузьминичну, строгую, но справедливую женщину средних лет в очках; соратников по грибным походам Вовку Карякина и Шурку Бахтина, толстую Тамарку Калганову и будущую сокурсницу, коллегу и друга Лариску Бахур, но никаких ярких впечатлений от взаимоотношений с друзьями и одноклассниками из Песочной не осталось. А вот лес и грибы - запомнились на всю жизнь, и как гадюку убили с дядей Сережей и бросили её в муравейник, и как воду пили из ключей... В Песочную я любил приезжать и в студенческие годы, ездили мы туда и с Сашулей, да и сейчас я наверняка не заблудился бы в Песочнинском лесу.

Из Сестрорецка и Песочной мы с мамой часто ездили в Ленинград к Шабровым, мы с Сашкой до одури резались в детский бильярд. На лето 1955-го года родители Сашки раздобыли для нас с ним путёвки в пионерлагерь в Токсово. Провели мы там одну смену и возвратились совершенно запаршивевшими. Родители, встречавшие нас на Финляндском вокзале, ужаснулись нашему виду: грязные, лохматые, в цыпках и, главное, со вшами!

Запомнились из лагерной жизни лишь всевозможные безобразия: кидание подушек и башмаков в спальную, мазание спящих зубной пастой, тёмные - избиение товарища, накрытого одеялом, собирание окурков вдоль железной дороги и прочие доблести. В наказание за эти грехи меня пребольно укусила за палец белка, которую мы загнали на отдельно стоявшее дерево и поймали. Больше в лагерь я не ездил и не просился.

([продолжение следует](#))